

Русский
телеграф,
-1998.-
-23 апр. - с. 11

Трус немеркнущий

Сегодня Георгию Вицину — 80 лет

Каждому доведется увидеть свое лицо на обложке новогоднего (1968 года) выпуска популярного журнала для молодежи, дважды побывать на экране Гоголем, узнать себя в мультике и стать фольклорным героем, с чьей резиновой копией дети не расстанутся в песочнице, забывая, что дядя — плохой.

Что Вицин старше Вячеслава Тихонова и Михаила Ульянова, что мастерству эксцентрики он учился еще у великой вахтанговки Серафимы Бирман, что дебютировал в театре в 1937-м, а в кино — в 1945-м, представить довольно трудно. В сознании миллионов зрителей он навсегда останется лицом неопределенного, примерно среднего возраста с немтыми жидкими волосами, то и дело спадающими на лоб, остроносый хлюпиком со скулющим, тоненьким голоском, с неуместно женственными руками и взором, устремленным на собственные нечищенные ботинки, — в общем, Трусом. И не потому, что в фильмах Леонида Гайдая им, Юрием Никулиным и Евгением Моргуновым была создана незабываемая тройка персонажей, а потому, что Трус, Балбес и Бывалый — больше чем персонажи. Они — гениально придуманные комедийные маски, уникальные и, возможно, последние в мировом кино.

Раз найденные — в 1961 году, в короткометражке «Пес Барбос и необычный кросс», — они, как и положено маскам, уже не менялись (по статистике воплощений

«Женидьбу Балзаминова» бывший Трус овевал прекрасными движениями своей поэтической души

одного и того же образа в отечественном кино Вицина опережают лишь исполнители ролей Ленина, Сталина, Фрунзе и Свердлова). Они были стопроцентно оригинальны и кинематографичны (то есть нелитературны; недаром Л. Гайдай, увлекшись экранизацией, утратил огонь). Их особое совершенство заключалось в том, что они объединили черты абстрактной, чистой комедии и комедии, глубоко укорененной в мeste, времени и социальной среде.

На смену Чаплину, Китону и Ллойд, трагическим одиночкам немой комической, звук привел комедийный ансамбль. Наша теплая тройка стала единственным в мире ответом довоенному трио братьев Маркс, чья сюрреалистическая комедия была агрессивно асоциальной. От этого она была не менее смешной, но менее масочной: тирольский гном Чико, виртуозно измывающийся над клавиатурой рояля, сексуально озабоченный херувим Харпо, с клаксо-

ном гоняющий блондинок, и ворчун Граучо, сыплющий максимами типа «Либо он мертв, либо мои часы встали», — не маски, а преодоление масок, как, впрочем, и любой классификации. Трус, Балбес и Бывалый, напротив, — чистые экзистенциальные маски. Братья Маркс могут играть в одиночку, наша тройка — никогда. Ближе к Змею Горынычу о трех головах (их разом снесет Иванушка-Шурик), чем к выгнанным на коврик трем богатырям, они — одно тело, действующее складно не вопреки, а благодаря диалектике противоречий его частей. Бывалый — голова, Балбес — руки, Трус — подкашивающиеся колени. Он боится не наказания, он боится жить и необходим коллективу, как всякому телу необходима рефлексия, то есть душа.

В то же время абстрактность комических амплуа блестяще окутана у Гайдая конкретностью социальных характеристик. Круглый, лысый и уже готовый к «Трем толстякам» Моргунов носит темную рубашку в полосочку и подтяжки — сразу видно, руководящий работник. Вороватый Никулин не выходит из дома без визаной шапочки и свитера, потому что он — прибалтанный люмпен, который и в геологической экспедиции будет тибрить спирт и припасы, рас-

сказывать сальные анекдоты и запевать тюремный романс. Вицина определяет жилетка от пропитой «тройки»; он — вшивый интеллигентшишка, полубухгалтер-полупоэт. За «вшивость» ему всегда достается от собутельников, да и пьется он не по нужде и не для удовольствия, а чтоб не отрываться от коллектива. За такой сборный портрет изуродованного советского общества Гайдай можно было бы записать в антисоветчики, если бы не странная привлекательность его злодеев. Они несомненно живее и интереснее комсомольца Шурика. Вицину и тут отведена особая роль.

В хрущевско-брежневском варианте «хорошего, плохого, злого» Трус Вицина был однозначно «хорошим». Гайдай пронизательно взял на роль одного из тунеядцев-вредителей актера с положительным обаянием, бывшего Васю Веснушкина из «Запасного игрока» и будущего Доброго волшебника и Берендея с неотразимо печальной улыбкой и глазами побитой собаки. Как гуманист и художник, Гайдай не мог не любить такого жалкого и милого Труса: он-то знал, кто в трагикомической игре советской действительности начинает и кто проигрывает.

МИХАИЛ БРАШИНСКИЙ